

— Молчаливый Инеевый Звоновран, ты — пристанище жизни и владыка мёртвых. Я прошу тебя даровать мне одеяние умерших; одеяние, подобное коже хамелеона, чтобы я мог неслышно следовать за шествием душ и не нарушать их покой.

Средних лет ритуалист обходил круг, с каждым шагом громко читая молитву. Когда его речь завершилась, он остановился напротив чучела хамелеона.

Чёрный гагат, лежавший в центре формации, с хрустом раскололся на мелкие осколки. Чучело хамелеона, хотя и было забальзамировано, стремительно сгнило: сперва исчезла кожа, а затем и кости превратились в прах.

В тот же миг на тело ритуалиста упал сероватый свет. Он вспыхнул шесть раз и исчез.

Шесть являлось числом Инеевого Звоноврана. Ритуал удался.

Но все присутствующие смотрели не на ритуалиста, а на человека в коридоре, державшего внутренний телефон.

Тот, обливаясь потом, слушал голос на другом конце линии. Спустя несколько секунд он поднял голову и мрачно произнёс:

— На карте... — он назвал имя ритуалиста. — Его метка жизни исчезла.

В зале поднялся гул.

Ритуал действительно позволял уйти от слежения ритуала метки жизни. А это значило, что культисты могли использовать его, чтобы проникнуть в центральное отделение Инквизиции.

Немногие клерки-инквизиторы, которым почти не приходилось выезжать в поле, начали тревожно озираться. Хотя светильники в здании разгоняли тьму во всех комнатах и коридорах, им казалось, что где-то рядом уже притаился враг.

Линь не находился в их числе.

Он первый указал, что директор Листчес мог инсценировать смерть с помощью этого ритуала, но большинство приведённых им доводов опирались на его личные показания. Именно поэтому он сам не стал проводить ритуал — это снизило бы достоверность доказательств.

Осторожность была необходима, тем более Линь прекрасно знал: всё его «расследование» строилось на выдумке.

Далее он не направился в зал, где круглосуточно шёл ритуал метки жизни. Вместо этого он зашёл в конференц-зал, доступный лишь высшему составу Инквизиции Шпиневия.

К его удивлению, в зале сидели только верховный инквизитор Фельдграу Дуофюр и его секретарь, Ловветро Гордон.

Остальные руководители были подключены через телефон.

— Из-за смерти Листчеса Азари сейчас все перегружены, — объяснил Фельдграу, когда Линь остановился у стола.

— Даже если он, возможно, вовсе не умер? — уточнил Линь.

— Именно потому, что он жив, всё ещё хуже, — заговорил низкий женский голос из динамика. — Слишком много сведений он унёс с собой. В нынешней ситуации лучше бы этот старик и вправду был мёртв.

— Если вы хотите знать, — сказал Линь примиряющим тоном, — то мои мысли таковы: директор Листчес знал ритуал, позволяющий скрыться от надзора, и применил его сегодня. Но это ещё не доказывает окончательно, что тело в морге не принадлежит ему. Точнее будет сказать так: у директора Листчеса имелся набор материалов для проведения этого ритуала, и теперь они исчезли.

Серьёзное лицо Фельдграу чуть дрогнуло — он не удержался и улыбнулся.

Секретарь Ловветро, стоявший за его спиной, дёрнул уголком губ и поспешно показал Линю жест «помолчи».

— Хватит щеголять красноречием, — усмехнулся женский голос, но без тепла. — Ты оказался прав: это тело не принадлежит Листчесу Азари. После твоих слов мы пригласили епископа Матери Первозданной Крови. Он подтвердил: это сосуд, искусственно созданный кровеплотяной магией. По замерам, ему уже больше десяти лет.

«Чёрт! — мысленно вздохнул Линь. — Значит, умер всё-таки клон. Неужели высокоуровневые кровеплотяные целители и в самом деле способны на такое?»

Он, хоть и копил деньги на лечение Параибы, всегда сомневался в методе «пересоздания тела». Слишком уж это походило на шаманство.

— Епископ уже начал искать того целителя, что создал этот сосуд, — вновь заговорила женщина. — Но, судя по дате изготовления тела, результат будет не скоро. И неудивительно, что похоронщики не смогли найти в нём душу: скорее всего, её уничтожили ещё при создании. Твои доводы были фантастичны, но у тебя есть талант. Пусть доказательства шаткие, зато

вывод оказался верным.

— Не стоит быть столь скупым на похвалу, — вмешался мягкий мужской голос. — Линь, ты молодец. У тебя острый глаз. Инквизиции нужны такие молодые люди.

«Может, и премию дадут?» — с надеждой подумал Линь, который понимал, что на самом деле он не настолько проницателен, а просто у него имеется читерский навык.

— Итак, — продолжил мягкий голос, — ты согласен взять на себя это задание?

Линь сперва посмотрел на динамик, а затем поднял взгляд на Фельдграу.

Его хороший начальник кивнул ему, а секретарь Ловветро даже показал жест «вперёд!».

— Разумеется, — сказал Линь, стараясь звучать искренне. — Ради защиты человечества я готов на любое поручение.

— Мы уже отправили отряд, чтобы выследить Листчеса Азари, — сообщил мягкий голос. — Его следует захватить, а если это будет невозможно — уничтожить. Учитывая, что он опытный ритуалист, в отряде обязательно должен быть столь же сильный ритуалист для поддержки. Я хочу, чтобы этим человеком стал ты.

Линь на миг вспомнил, как, вступив в ритуальное подразделение центрального отделения, он получал от директора Листчеса наставления и поддержку.

Когда пришло время обвинять его, Линь сумел сохранить хладнокровие, но теперь в нём поднялись едва заметные чувства — будто рябь на поверхности озера, что оживает при лёгком дуновении ветра.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — ответил он.

— Хорошо, — произнёс мягкий мужской голос. — Конкретные действия остаются за вашей Инквизицией Шпиневилля. Фельдграу, ты займёшься этим.

— Понял, — ответил птицелюд, вставая, — арх-инквизитор.

Линь опешил.

«Стоп, кто? Неужели этот молодой голос принадлежит тому самому человеку, что возглавляет все Инквизиции во всех городах?»

— Действия Листчеса Азари крайне подозрительны, но это ещё не значит, что он — предатель, сливший информацию, — продолжил мягкий голос. — Вы обязаны тщательно всё проверить и прояснить каждую деталь. Надеюсь, в следующий раз мы услышим от вас хорошие новости.

Раздался щелчок, и связь прервалась.

— Фух, — с облегчением выдохнул низкий женский голос, до того молчавшая во время речи арх-инквизитора, — какое же давление. Вы слышали последние слова арх-инквизитора? Он же явно крайне недоволен нашей Инквизицией Шпиневиля.

— А чего вы ждали? — вмешался другой голос. — Такая ошибка! Надеюсь, на ежегодном собрании нас не будут высмеивать другие города...

— Будут, и заслуженно, — отрезал Фельдграу. — Особенно если потом случится что-нибудь ещё, тогда название Шпиневиля могут на десять лет прибить гвоздями в зале штаб-квартиры. Как думаете?

В динамике воцарилась тишина.

Наконец низкий женский голос произнёс твёрдо:

— Можете быть уверены, верховный инквизитор. Больше не будет никаких проблем.

***

— Слова — словами, — Фельдграу откинулся на спинку кресла, нахмутив лоб. — Но разве хотя бы в одну из пятидесяти двух недель в году у Инквизиции не возникало проблем?

— Ни разу, — с сожалением признал секретарь Ловветро.

«Инквизиция и создана для того, чтобы разбираться с проблемами, — подумал Линь. — Потому их отсутствие и кажется невозможным».

— Но я никак не ожидал, что это будет Листчес, — продолжил Фельдграу. — Он и Кроввирг вступили в Инквизицию в одно время. Отслужив с двадцати до шестидесяти пяти, он вышел на пенсию, а через год вернулся. Если бы не вера в своё дело, что удерживало его так долго? И если он уже выдержал столько, то зачем тогда предавать? Может, я что-то сделал не так?

— А может, — попытался утешить его Линь, — директор вовсе не был так верен, а просто хотел ещё немного повысить пенсию?

— Не суди других по себе, — сверкнул глазами секретарь Ловветро. — Семья Листчеса азари богата, для него деньги — мусор.

— М-м, — Линь вспомнил Аллета, того самого богатей, и кивнул. — Тоже верно.

— Как бы там ни было, — заметил секретарь Ловветро, — тот факт, что директор знал ритуал, позволяющий скрыться от наблюдения, и носил его при себе, при этом не докладывая, уже говорит о его падении. Верховный инквизитор, вам не стоит винить себя из-за него.

— Не грустить всё равно нереально, — тихо проговорил Линь. — Ведь прожитое вместе время не являлось ложью. Это не ваша вина.

Фельдграу слабо скривил губы в подобии улыбки.

Он приложил ладонь к уху. Используя то ли какое-то устройство коммуникации, то ли ритуал связи, он произнёс:

— Твои товарищи по отряду уже собрались. Ловветро, проводи Линя.

— Есть, — ответил секретарь.

— Будь осторожен, Линь, — добавил Фельдграу.

— Я постараюсь сохранить себе жизнь, — Линь выпрямился и, сложив вместе указательный и средний палец правой руки, провёл ими у виска.

— Пойдём, — кивнул Ловветро и зашагал вперёд.

Линь последовал за ним. Перед тем как выйти, он оглянулся.

Верховный инквизитор с белыми волосами и в светлом костюме смотрел ему вслед. Его руки, хорошо подходящие для владения оружием, были скрещены на груди. Когда их взгляды встретились, глаза Фельдграу медленно сомкнулись — словно в молитве.

Дверь конференц-зала закрылась за спиной Линя, отрезав этот образ. Сделав короткую паузу, он отвёл взгляд и почувствовал, как его лицо слегка нагрелось.

«Начальник в самом деле красивый птицелюд...»

Но через секунду он отбросил лишние мысли и вернулся к своему новому заданию. Прибавив шаг, он догнал секретаря Ловветро, собираясь спросить, кто будет его напарниками.

А затем юный инквизитор снова замер.

Он услышал шум моря.

Из-за плотно закрытой двери рядом с залом доносился гул прилива.

Линь даже не успел взглянуть на дверь, как уже понял, что что-то не так. Он сделал один шаг... и ступил в мягкий песок.

Коридор исчез. Он оказался на ночном пляже, где тёмные волны накатывали и ласково омывали его ноги.

Прибойная волна вынесла на мокрый песок перед ним огромную раковину, которая размером превосходила его предплечье.

Линь тут же отвёл взгляд, стараясь не смотреть на неё. Холодок пробежал по его спине, а волосы встали дыбом.

«Не поднимай голову», — предупредила его интуиция.

Но другой, зовущий голос будто уговаривал: «посмотри вверх, разве ты не соскучился по небу?».

Свод был заволочён тьмой. Небо скрывали тяжёлые облака.

Сквозь окружающий мрак пробивался слабый серебристый свет луны.

Желудок Линя сжался в судороге.

Внутри него поднялся жар. Он жаждал обзавестись клыками, чтобы впиться ими в живую плоть. Он хотел вырастить крылья, чтобы взмыть ввысь.

Потому что там, наверху, лунное сияние казалось таким... вкусным.